

ДМИТРИЙ ФИЛИПPOB

ПЕРЕД БЛОКАДОЙ

(отрывок из книги “Битва за Ленинград”)

Перед входом на Пискарёвское мемориальное кладбище установлена памятная мраморная доска с надписью: “С 8 сентября 1941 года по 22 января 1944 года на город было сброшено 107 158 авиабомб, выпущено 148 478 снарядов, убито 16 744 человек, ранено 33 782, умерло от голода 641 803 человек”. От Вечного огня к главной стеле мемориала ведет аллея протяженностью 480 метров. Нет никакого сакрального и тайного смысла в этой цифре 480. Просто справа и слева от аллеи – братские могилы, череда холмиков, уходящих вглубь. И надо пройти полкилометра, чтобы миновать братские захоронения умерших в блокаду ленинградцев и погибших бойцов Ленинградского фронта. Полкилометра ям с телами. Вдумайтесь в эту цифру. Полкилометра.

На гранитной стене, расположенной позади монумента “Родина-Мать”, высечены строки Ольги Берггольц:

*Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имён благородных мы здесь перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.*

Таков итог самой продолжительной битвы в истории Великой Отечественной войны – битвы за Ленинград!

Ночь на 22 июня 1941 года была в Ленинграде теплой, тихой и светлой, как и положено белым ночам. Тишину нарушали лишь весёлые компании вчерашних школьников, гулявшие вдоль Невы после выпускного вечера. Девушки в белых платьях и юноши гуляют, взявшись за руки, смеются, целуются украдкой, ещё не зная, что фашистские войска перешли советскую границу, что уже идут бои в районе Бреста, немецкие самолёты уже бомбят Киев, Севастополь, Каунас, Житомир. Вечером на стадионе им. В. И. Ленина должен состояться футбольный матч между ленинградской “Красной звездой” и московским “Динамо”. К 8 утра далеко за Балтийским заводом, за Академией худо-

жеств, Кунсткамерой и дальше, над ломкими силуэтами крыш Петроградской стороны повисли чёрные точки – аэростаты заграждения.

Ночью на подступах к Ленинграду произошли первые воздушные бои. В 3 часа 20 минут лётчики Шавров и Бойко вступили в бой со звеном ME-110. В 4 часа двадцать вражеских самолётов предприняли попытку минирования фарватера в Финском заливе. Около 5 утра немецкие воздушные разведчики появились под Кронштадтом и Выборгом, но были встречены огнём зениток.

В третьем часу ночи 2-й секретарь Ленинградского горкома партии Александрович Кузнецов, замещавший Жданова, находившегося в отпуске, и бывший на тот момент первым должностным лицом в городе, вызывает к себе в Смольный первых секретарей райкомов. Он доводит до их сведения телеграмму, полученную в штабе Ленинградского военного округа за подписью наркома обороны СССР. В ней говорится о возможном нападении врага 22 или 23 июня. А в пятом часу А. А. Кузнецова из его кабинета, где шло совещание, пригласили к аппарату прямой связи с Москвой. Вскоре он вернулся и коротко объявил: война!

Но основная масса жителей Ленинграда узнала о начале войны только в 12 часов 15 минут из знаменитой речи Молотова. Когда слушаешь запись этого обращения сейчас, невольно режут слух дефекты дикции и нарушения орфоэпических норм языка председателем Совнаркома, эти “граждане и граждане”, “договор”, смягчение звонких согласных. Но нам сложно представить, что творилось в его душе, когда в 12:05 он вышел из кабинета И. В. Сталина с текстом выступления и направился на Центральный телеграф, откуда осуществлялась прямая трансляция обращения. Люди замерли на площадях и улицах, везде, где застал их этот исторический момент. Замерли и слушали. Лица спокойные, напряжённые. Именно тогда, в речи Молотова впервые прозвучало словосочетание “Отечественная война”. Ещё никто представить себе не может, что начался кошмар длиною в долгих четыре года; что впереди – немыслимые жертвы и разрушения, подвиги и беспримерный героизм советских людей. И гекатомбы смертей.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР в Ленинграде введено военное положение. Это означает, что отныне все функции государственной власти в деле обороны переданы Военному совету Ленинградского военного округа.

В 3 часа дня закрываются сберкассы – закончилась наличность. Люди стремятся снять свои сбережения. В продуктовые магазины выстроились очереди. И вместе с этим на заводах и предприятиях начались стихийные митинги, а очереди добровольцев у ворот военкомата были не короче очередей в магазины. Как это всегда бывает в минуты опасности, обнажается нутро человека, его оголённая суть, и это не спрятать, не изменить. Ты можешь маскироваться, как хамелеон, и быть своим в доску парнем, или не быть им, угрюмо отталкивая окружающих, но в минуту опасности твоё нутряное вырвется наружу, и вся твоя суть станет видна, как на ладони: затариться продуктами или бежать в военкомат? Это, на самом деле, очень простой и внятный выбор. Но как же меняет он всю твою жизнь!

В первую же военную ночь появляются военные патрули, вооружённые винтовками, и дежурные с противогазами через плечо у подъездов домов. Следят, чтобы не осталось ни одного освещённого окна. Светомаскировка. В первую же ночь звучат сирены, извещающая об угрозе воздушного нападения. Тревога оказывается ложной. Но вряд ли кто мог спокойно заснуть в эту первую военную ночь. Жизнь круто разделилась на две половины, и это было уже не изменить, не переиначить.

По решению Ставки Главного командования с 24 июня 1941 года Ленинградский военный округ преобразован в Северный фронт. Он просуществует два месяца, потом войска разделят на Ленинградский и Карельский фронты. Ещё никто не думает об окружении. Ещё в помине нет Волховского фронта. Нет “Невского пятачка” и героической обороны крепости Орешек. Война уже идёт, но для большинства ленинградцев пока ещё остаётся умозрительной категорией.

Вот как вспоминает те дни Николай Никулин, курсант школы радиоспециалистов: *“Война тем временем где-то шла. Первое представление о ней мы получили, когда на территорию школы прибыла с фронта для пополнения и приведения в порядок разбитая дивизия. Всех удивило, что фронтовики*

жадно едят в огромных количествах перловую кашу, оставшуюся в столовой. Курсанты радиошколы были недавно из дома, ещё изнежены и разборчивы в еде... Солдаты с фронта были тихие, замкнутые. Старались общаться только друг с другом, словно их связывала общая тайна. В один прекрасный день дивизию выстроили на плацу перед казармой, а нам приказали построиться рядом. Мы шутили, болтали, гадали, что будет. Скомандовали “смирно” и привели двоих, без ремней. Потом капитан стал читать бумагу: эти двое за дезертирство были приговорены к смертной казни. И тут же, сразу, мы ещё не успели ничего понять, автоматчики застрелили обоих. Просто, без церемоний... Фигурки подергались и застыли. Врач констатировал смерть... Именно тогда в нашем сознании произошёл сдвиг: впервые нам стало понятно, что война — дело нешуточное и что она нас тоже коснётся”.

Но были и другие примеры.

27 июня 1941 года принимается решение о создании народного ополчения. 30-го начинается запись добровольцев на предприятиях. Кировский и Московский заводы, Металлический, “Арсенал”, “Прогресс”, “Красный выборжец”, станкостроительный им. Я. М. Свердлова, “Экономайзер”... В первый же день записалось 10 890 бойцов. К концу пятого дня эта цифра выросла до 77 413.

На “Красный выборжец” пришла жена рабочего Рыбина и сказала: “Я проводила мужа в армию и теперь хочу трудиться в его цехе”. В этот же день Анну Устиновну Рыбину зачислили на работу.

280 студентов и преподавателей Института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта решили стать партизанами. Вскоре отряды лесгафтовцев уйдут в псковские леса...

Начинаются работы по созданию оборонительных рубежей и укреплений. Сотни тысяч граждан города и области берут в руки заступы, кирки и лопаты, роют окопы, противотанковые рвы, завалы, сооружают доты и дзоты. Приостанавливается строительство Верхнесвирской ГЭС, консервируется только начатое строительство Ленинградского метро.

Младшие лейтенанты Степан Здоровцев, Михаил Жуков и Пётр Харитонов на своих “ястребках” впервые применяют в небе над Ленинградом воздушный таран, сбив тяжёлые бомбардировщики Ю-88. За это они удостоиваются звания Героя Советского Союза.

Ленинградцы привыкают к равномерному стуку метронома. В перерывах между передачами он звучит размеренно, напоминая о постоянной опасности воздушного нападения, а во время тревоги ритм его становится утешительным. Ещё никто не знает, что этот неторопливый стук, напоминающий шаги в гулких пустых залах Эрмитажа, совсем скоро станет единственной надеждой, когда лежишь в холодной квартире, закутавшись в ворох одеял, умирая от голода, не имея сил выйти на улицу. Этот звук станет единственным доказательством, что город ещё не пал, что он жив и сражается, а значит, и ты сам жив, пока слышишь эту неторопливую поступь города.

Меняется и облик Ленинграда. Уже не увидишь блеска золота на куполе Исаакиевского собора, на шпилях Петропавловской крепости и Инженерного замка, они покрашены нейтральной краской зелёного цвета. На Адмиралтейскую иглу решено натянуть сшитый из мешковины чехол. Крупнейшие предприятия, многие мосты, водопроводные и электрические станции тщательно замаскированы. Район Смольного, если посмотреть на него сверху, превращён в лесопарковую зону. Ещё на дальних подступах к зданию снянуты гигантские маскировочные сети с тёмно-зелёными лоскутами, изображающими деревья.

Ещё одна примета тех дней. На Невском и Литейном проспектах, на других улицах прямо на тротуарах были расставлены столы с книгами, ещё пахнущими свежей типографской краской. Такой литературный всплеск объяснялся просто: из-за перегрузки железных дорог было невозможно вывозить в большую страну полиграфическую продукцию, печатавшуюся в ленинградских типографиях. Поэтому решили сбывать книги на местном рынке. Импровизированный книжный базар на Невском проспекте раскинулся прямо перед “елисеевским” магазином. Серые мешки с песком наглухо закрывали зеркальные витрины, а рядом — яркие краски на обложках.

А немцы продолжают наступать. Вот что пишет начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер 8 июля 1941 года в своём дневнике: *“Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву*

и Ленинград с землёй, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще”.

Кировский завод начинает производить танки КВ. Начинается эвакуация многих предприятий и учреждений города.

Идут ожесточённые бои на Западной Двине. Это ворота на Псков и Новгород, а за ними – Ленинград.

В ДК им. М. Горького располагается штаб 1-й добровольческой дивизии. Под казармы используют здания школ. В парках устанавливают зенитные орудия. Огромными рыбами висят над городом аэростаты. В начале июля 1941 года в пульмановских вагонах эвакуируют основную часть экспонатов Эрмитажа и Русского музея. Ленинград всё больше становится похож на город прифронтовой полосы.

8 июля пал Псков. Отступление действующих частей, бегство жителей, обозы, нескончаемый поток спасающихся от войны людей. К тому времени после тяжёлых боев был оставлен Остров, и две немецкие танковые дивизии стремительно продвигались вперёд: одна – на Псков, другая – на Порхов. Прибывающие со стороны Ленинграда эшелоны с 235-й стрелковой дивизией с ходу вступали в бой, но в условиях паники и неразберихи, недостаточно чёткого управления войсками имели место случаи самовольного оставления позиций. Дороги были забиты отступающими, поэтому подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия был крайне затруднён.

Вот как вспоминает эти дни начальник Инженерного управления Ленинградского фронта генерал-лейтенант Б. В. Бычевский: *“Семьи, оставшиеся без крова, горящие дома, плачущие на руках у матерей дети, страдающие от жары и жажды. Тут и там вперемешку с беженцами бредут разрозненные группы бойцов. Нескончаем поток машин, всевозможных тележек. И над всем этим пёстрым водоворотом стоит угнетающий гул, в воздухе висит едкая пыль... Над шоссе только что пронёсся на бреющем полёте “мессершмитт”. Пулемётная очередь скосила двух девочек и трёх женщин”*.

Утром 8 июля противнику удалось оттеснить наши ослабленные подразделения на северный берег реки Черехи в район Кресты и на южную окраину Пскова. Командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. М. Гловацкий обратился с просьбой к командиру 41-го корпуса разрешить отход дивизии за реку Великую. Сам по себе отход при хорошей организации ещё не означал катастрофы, однако преждевременный взрыв псковского моста через реку Великую привёл к беспорядочному отступлению на подручных средствах частей 118-й, 111-й стрелковых дивизий и 25-го укрепрайона, оставшихся на западном берегу реки, а также к большим потерям в людях и боевой технике и явился главной причиной оставления Пскова и последующего отхода войск 41-го стрелкового корпуса по расходящимся направлениям на Гдов и Лугу.

До сих пор сложно установить, что же именно тогда происходило под Псковом. Память об этом хранит Великая – древняя русская река, но она никому не откроет своих тайн.

За оставление Пскова командир 41-го стрелкового корпуса генерал-майор И. С. Кособуцкий и командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. М. Гловацкий предстали перед судом Военного трибунала. Генерал-майор Н. М. Гловацкий был приговорён к расстрелу (расстрелян 3 августа 1941 года), генерал-майор И. С. Кособуцкий – к 10 годам заключения (в октябре 1942 года был освобождён и принял участие в сражениях Великой Отечественной войны, с 1944 года – генерал-лейтенант). Начальник инженерной службы 41-го стрелкового корпуса военинженер II ранга Головлёв также был расстрелян в июле 1941 года согласно приказу по Северо-Западному фронту.

Дорога на Ленинград была практически открыта. На пути врага остался только Лужский рубеж.

В это время школьники Ленинграда по всему городу собирают пустые бутылки. Нет, никто не ищет лёгкого заработка. И голода пока нет. Это ленинградские предприятия получили задания ежедневно поставлять в войска 9 тысяч бутылок с горючей смесью для поджога танков противника. С 10 июля началось массовое изготовление этих стеклянных гранат на предприятиях города и в мастерских высших учебных заведений: Педагогическом институте им. А. И. Герцена, Текстильном, Ленинградском институтах, Институте связи.

В саду возле Холодильного института и в Апраксином дворе проходит обучение 3-й дивизии народного ополчения. Вчерашние рабочие, студенты, инженеры выполняют приёмы строевой подготовки, учатся колоть штыком чучела из мешковины. Всё это похоже на плохо поставленный спектакль, но жителям не до смеха. 12 июля на ипподроме, где совсем недавно проходили скачки, дивизии будет вручено Красное знамя, вскоре она примет участие в боях на Олонецком направлении. 2-й полк дивизии будет отправлен на Лужский рубеж. А на месте ипподрома после войны построят Театр юного зрителя.

Человек, впервые взявший в руки оружие две недели назад, ещё не готов убивать. Он в глубине души не верит, что винтовка, оттягивающая плечо, будет стрелять. И так же будут стрелять в него. Вот стоят эти люди на ипподроме, переминаются. Греет солнце. Скрипит песок под ногами. Многие из них скоро погибнут, защищая свой город, свою страну. Но сейчас, вот в этот самый день 12 июля 1941 года, они всё ещё живы, в каждом скрывается непостижимый мир — целая непознанная вселенная.

В этот же день 12 июля в Театре оперы и балета имени С. М. Кирова идёт “Иван Сусанин”, в Театре имени А. С. Пушкина — “Дон-Кихот”, в Театре имени Ленинского комсомола — “Фельдмаршал Кутузов”, в Музкомедии — “Последний бал”, в Театре комедии — “Тот, кого искали”.

12 июля 1941 года начинаются бои за Лужский рубеж.

Так же, как в мирное время, сберкассы выплачивают выигрыши. Только за один этот день по шестому тиражу Государственного займа третьей пятилетки сберкассы Ленинграда выплатили 6200 выигрышей на общую сумму свыше 800 тысяч рублей.

13 июля 60 тысяч ленинградцев прибывают под Лугу строить оборонительный рубеж. Теперь они трудятся вместе с войсками, создают танковые ловушки, завалы. Армейские саперы минируют главную полосу обороны и предполье. А в Ленинграде в это же время на стадионе Института имени Лесгафта собираются несколько тысяч людей. Спортом, однако, никто не увлечён. Работники МПВО демонстрируют приёмы тушения зажигательных бомб.

18 июля погибают дети Ленинграда.

Вечером 17 июля 1941 года на первый путь станции Лычково прибыл один из эвакуационных поездов. Во время пути составы с эвакуирующимися пополнялись всё новыми и новыми детьми из ближайших к дороге населённых пунктов, из-за чего данный состав к моменту прибытия на одну из предыдущих остановок, станцию Старая Русса, насчитывал уже 12 вагонов-теплушек, в которых находилось около 2000 детей и сопровождающих их педагогов и медицинских работников. На станции Лычково поезд ожидал подхода очередной группы детей из Демянска, которые прибыли после полудня 18 июля. Примерно в то же время на второй путь прибыл санитарный поезд, из которого стали выходить легкораненые красноармейцы и санитарки, чтобы пополнить запасы продовольствия на привокзальном рынке. И в этот момент появляется немецкий бомбардировщик.

Вот как вспоминает последствия налёта очевидец, а впоследствии писатель Валентин Динабургский: *“Фрагменты детских тел висели на телеграфных проводах, на ветвях деревьев, на кустарниках. Стаи ворон, чуя поживу, с гвалтом кружили над местом трагедии. Солдаты собирали изуродованные тела, быстро начавшие разлагаться под влиянием жары. От смрада тошнило и кружилась голова.*

Через пару дней на Лычково нахлынули матери несчастных жертв. Просто-волосые, растрёпанные, они металась между путей, искорёженных взрывами бомб. Они незряче бродили по лесу, не обращая внимания на минные поля, и подрывались на них... Неудивительно, что некоторые тронулись разумом. Меня одна женщина, улыбаясь, спрашивала: не встречал ли я её Вовочку? Она только сейчас вела его в детсадик и оставила вот здесь... Зрелище страшное: истерики, вопли, обезумевшие глаза, растерянность, безысходность...”

Из вагонов выбегают дети в белых панамках, плачут от ужаса, пытаются спрятаться в поле, не понимая, что белые панамки прекрасно видны с высоты на зелёном фоне.

Отбомбившись, лётчик делает второй круг. Он видит, что перед ним маленькие дети. Он всё прекрасно видит. И продолжает методично расстреливать их из пулемёта. Ориентир — белые панамки.

Этот немецкий лётчик... Я пытаюсь представить, какой он, как выглядит, о чём думает, злой ли он человек? Или он обычный светловолосый парень,

улыбчивый, белозубый, с красивыми и правильными чертами лица, любящий свою мать, пишущий нежные письма жене о том, как уничтожил в течение минуты... не детей, нет, недочеловеческих личинок. Как он рассказывает об этом случае в полку, и его друзья, его боевые товарищи – Фрицы, Гансы, Густавы – весело смеются. Я не знаю, погиб ли этот лётчик во время войны или, наоборот, прожил долгую счастливую жизнь, растил детей, нянчил внуков. Но я точно знаю, что советский солдат – самый милосердный солдат в мире. Потому что после Лычково у него появилось полное моральное право уничтожать немцев как нацию. Но советский солдат не стал этого делать.

Ирина Алексеевна Зимнева помнит хронику тех событий лишь по рассказам старших товарищей. Жизнь ей, трёхлетней крохе, спасла кукла – памятный подарок мамы, вручённый на перроне перед самым отправлением рокового эшелона. Торчащая из груды детских тел игрушечная рука привлекла внимание тринадцатилетнего лычковского мальчишки Алёши Осокина. Он протянулся за ней, услышал детский плач и понял – здесь лежит живой ребёнок. Семья Алёши приняла девочку, как родную, но очень скоро судьба привела Ирину обратно в Ленинград, прямиком в кольцо блокады.

В 1984 году уже замужняя женщина Ирина Алексеевна вернулась в эти земли – вместе с мужем они купили в соседнем посёлке дачу, решили обустроить хозяйство; перво-наперво – построить баньку, для чего и пригласили местного плотника. По завершении работы супруги разговорились с мастером. И вдруг он начинает описывать события того дня: разбомблённый фашистами поезд, кукла, маленькая девочка...

От Кингисеппа до Луги, от Балтики до озера Ильмень протянулась линия обороны. Немецкая группа армий “Север” впервые с начала войны завязла в районе Луги, не в силах прорвать оборону советских войск. Сводки боёв второй половины июля похожи на книгу славы: что ни день, то подвиг и чудеса самоотверженности.

Вот балтийский лётчик старший лейтенант Н. И. Митин. Идёт на таран и сбивает немецкий самолёт, корректировавший огонь артиллерии по Ленинграду. Самолёт Митина загорается и падает, сам он успевает выпрыгнуть с парашютом над территорией, уже занятой противником. Все считают его погибшим, но через три дня Митин переходит линию фронта и возвращается в полк.

Вот заместитель политрука Арнольд Мери. В районе станции Дно немецкие войска прорвались в тыл 22-го стрелкового корпуса. Бои развернулись возле штаба. В бой вступили штабные связисты. Когда положение казалось безнадежным и закончились боеприпасы, Мери под огнём противника притащил ящик патронов. Раненный в бою, он всё равно продолжал сражаться до тех пор, пока враг не отступил. Арнольду Мери было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот ещё один лётчик, Гусейн Алиев. Сражаясь над Гостилицами, он сбил два из четырёх напавших на него “мессершмиттов”. Посадив машину, Алиев сам выйти из неё уже не смог. Через 20 минут он скончался. На его теле оказалось более тридцати ран.

А вот неизвестный солдат. Два кубаря. Лейтенант. В районе Сольцов его взвод залёг под огнём немецкого пулемёта. Немец долбит яростно. Головы не поднять. Жара. Липкий пот пропитал гимнастерку. Пить хочется. Жить хочется. Лицо в траве, душисто пахнет осокой. Жучок ползёт по травинке. А подняться надо. Зачем? Зачем подниматься, когда так хочется жить? На этот вопрос не может быть внятного, не вызывающего сомнений ответа. Позади Ленинград, Родина, да. Но ведь жить хочется... Как же страшно вставать... Жена, дочь. Смотрят откуда-то ему в глаза. Откуда они смотрят? Отчего так обжигает их взгляд? Эх, надо вставать... Поднимается лейтенант, успевает заорать во всю грудь: “За мной, мужики!” Делает шаг и ловит пулю на вздохе. Но взвод уже поднялся, уже бежит вперёд. Десять метров до врага, пять, три... Врукопашную, штыком в брюхо, сапёрной лопаткой под кадык. Бой яростный и короткий. Всё. Сольцы отбили. 8-я танковая дивизия немцев отрезана от основных сил. Лейтенант лежит на поле. Взгляд его стеклянен и светел. Жучок переползает с травинки на лицо.

19 июля враг прекращает наступление на Ленинград. В приказе Гитлера об этом говорилось: “Продвижение в направлении Ленинграда возобновить лишь после того, как 18-я армия войдёт в соприкосновение с 4-й танковой группой, а её восточный фланг будет обеспечен силами 16-й армии”. Неизвестный лейтенант и тысячи таких, как он, подарили Ленинграду ещё один месяц.

22 июля – ровно месяц с начала войны. Ленинградский горком партии даёт указание секретарям райкомов в трёхдневный срок подобрать для каждого домохозяйства политорганизатора. В его обязанность входит массово-политическая работа среди населения, повышение бдительности и укрепление противоздушной защиты дома. Одним словом, решено бороться за превращение каждого дома в крепость. На крышах и чердаках вводятся круглосуточные дежурства для тушения зажигательных бомб.

27 июля в дирекцию Эрмитажа приходит следующее распоряжение: “Предлагаем вам мобилизовать из числа трудоспособных на оборонные работы 75 человек. Всех мобилизованных обеспечить лопатами, кирками, ломачами, пилами, топорами. Каждый мобилизованный должен иметь запас продуктов питания на 5 дней, а также кружку, ложку, котелок, 1 пару белья, тёплую одежду и деньги. Предупредить всех мобилизованных о нахождении на работах не менее двух недель”. Приказ выполнен.

И ещё 10 815 ленинградцев ушли из города 27 июля. Ушли, чтобы занять уже оборудованные позиции. Это были бойцы только что сформированной 1-й гвардейской дивизии народного ополчения. Это уже пятая по счёту дивизия народного ополчения.

В этот же день солдат 324-го немецкого пехотного полка Фриц Курт пишет в своём дневнике: “Сегодня мы шли в атаку. Русские подпустили нас поближе, а потом открыли такой огонь, что из нашего отделения унесли ноги только я да Ганс. Когда всё это кончится?”

Кончилось всё очень скоро: на следующий день автор дневника был убит.

Идут жестокие бои в районе Сабска. 36-я моторизованная дивизия немцев захватила плацдарм на правом берегу Луги. Не хватает вооружения, боеприпасов, людей. Линия обороны на этом рубеже напоминает тонкую нить. В Ленинграде мастерские Института киноинженеров переделывают учебные винтовки и пулемёты в боевые. В этом коротком предложении весь ужас нависшей катастрофы.

Профессор Горного института А. Н. Кузнецов разрабатывает рецептуру взрывчатой смеси, которую можно производить в Ленинграде из имеющихся в городе реагентов. Новое взрывчатое вещество, названное синалом, оказалось вполне пригодным для снаряжения ручных гранат, противотанковых мин и осколочных авиабомб. Выпускать его начинают предприятия, также не имеющие никакого отношения к военной промышленности, – суперфосфатный завод, завод “Автоген”, кирпичный завод № 1, Алюминиево-магниевого и Горный институты.

Все окна в городе заклеены бумажными лентами, но это не спасает от бомбёжек. Распоряжением от 31 июля штаб МПВО города предложил по сигналу воздушной тревоги держать окна открытыми. Это помогает сохранить стекла до наступления холодов.

Июль уходит. В течение этого месяца город дал фронту около 250 танков и бронемашин, 200 орудий для дотов, 185 – для танков, 300 полковых миномётов, много пушек, винтовок, снайперских прицелов. Предприятия местной промышленности отправили на фронт в этом месяце 710 тысяч противопехотных мин.

Заводы, фабрики, предприятия, лаборатории и мастерские полностью работают на оборону. Артели “Примус” и “Металлоигрушка” изготавливают ручные гранаты. Механический цех табачной фабрики имени М. С. Урицкого делает снаряды. В котлах, в которых совсем недавно варилась начинка для конфет, теперь плавится взрывчатка. Мины делают... дроздовой завод и завод духовых инструментов. Завод медицинских инструментов делает для партизан финские ножи. Макетная мастерская “Ленфильма” изготавливает партизанские “мины-сюрпризы”. А вузах города начинаются приёмные экзамены.

3 августа тяжёлые бои идут на карельском направлении в районе посёлка Хийтола. Высоту обороняет 6-я рота 14-го мотострелкового полка НКВД. Это к вопросу о бытующем мифе, что чекисты якобы служили только в загородотрядах, в атаку не ходили и расстреливали штрафников пачками. В этот день в 6-ю роту прибывает пропагандист полка старший политрук Николай Руденко. Но в роте не до бесед, не до политинформации. Идёт бой. Убивают пулемётчика, и Руденко ложится за пулемёт. К исходу дня он остаётся единственным, кто ещё в состоянии удерживать высоту. Остальные бойцы тяжело ранены или убиты. После эвакуации раненых к нему присоединяется санитаринструктор Анатолий Кокорин. Финны сражаются яростно. Ещё год назад это была их

земля, и они намерены её вернуть, дойти до старой границы у реки Сестры. Руденко приказывает Кокорину держаться в стороне и всё время менять позиции, чтобы у врага создалось впечатление, будто высоту обороняет большое количество солдат. Сгущаются сумерки. Бой не затихает ни на минуту. Во время одной из атак вражеским солдатам удаётся окружить Кокорина. Они хотят захватить его в плен. Тогда санинструктор достает гранату и с криком: “Чекисты в плен не сдаются!” – взрывает себя и окруживших его финских солдат. За этот подвиг ему присвоят звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Руденко в этом бою получил три тяжёлых ранения и потерял сознание. Ночью того же дня Руденко пришёл в себя и похоронил Кокорина, насколько мог это сделать, будучи израненным. В настоящее время могила Кокорина неизвестна.

А в Ленинграде вечером 3 августа нет свободных мест в Театре драмы им. А. С. Пушкина (ныне – Александрийский театр). В программе – спектакль “Дворянское гнездо” с участием народной артистки СССР В. А. Мичуриной-Самойловой. Людно и в саду Госнардома (Александровский парк). На всеобщее обозрение выставлен фашистский самолёт, пытавшийся прорваться к Ленинграду, но сбитый нашими зенитчиками. Его собрали из кусков и показали людям. Дико и омерзительно смотрелись чёрные кресты в Ленинграде.

В ночь на 8 августа дальние бомбардировщики 1-го минно-торпедного полка во главе с полковником Е. Н. Преображенским совершают налёт на военные объекты Берлина. Это был наш первый удар по фашистскому логову. Гитлеровцы не допускали и мысли, чтобы над Берлином были советские самолёты. Утром немецкое радио сообщило, что минувшей ночью английская авиация совершила налёт на Берлин и что при этом было сбито шесть самолётов противника. Но это была ложь. В этот же день британское командование официально объявило, что в ночь на 8 августа ни один английский самолёт не появлялся над Берлином. И все советские самолёты, отбомбившись, благополучно вернулись домой.

Днём начинается массированное немецкое наступление по флангам Лужского рубежа обороны: со стороны Кингисеппа и на новгородско-чудовском направлении. Бои идут за каждую пядь земли. В прямом смысле этого слова. Слева противник прорвался к реке Оредеж, а справа – на трассу Кингисепп – Ленинград. Лужской группировке войск грозит окружение.

Тяжёлые бои идут на карельском фронте. В районе Сортавалы прижатой к берегу Ладожского озера оказывается 168-я стрелковая дивизия. С большими потерями ей удаётся вырваться из окружения. Буквально через месяц бойцы этой дивизии будут защищать подступы к Ленинграду со стороны Тосно и Колпино по линии реки Ижоры, задерживая наступление фашистов с юга, не давая врагу прорваться к Пулковским высотам. А начальник оперативного управления штаба 168-й стрелковой дивизии майор (а впоследствии – генерал-лейтенант) Семён Николаевич Борщёв напишет детальные воспоминания “От Невы до Эльбы”, ставшие бестселлером мемуарной военной литературы.

К 13 августа немцы прорывают Лужский оборонительный рубеж с двух сторон. Советские войска предпринимают контрудар во фланг наступающей группировке врага в районе Старой Руссы. Контрудар под Старой Руссой до сих пор недостаточно изучен историками. Бои в этом направлении продолжались до 25 августа и задержали наступление группы армий “Север” на Ленинград. Готовящийся к обороне город выиграл ещё несколько недель.

К 13 августа трудящиеся Ленинграда внесли в фонд обороны страны 2 миллиона 418 тысяч рублей наличными, 2 килограмма 275 граммов золота, более 80 килограммов серебра и много других ценностей на общую сумму 13 миллионов рублей. А в районе Старой Руссы – Дно идут жестокие бои. Впервые под Ленинградом используются реактивные установки залпового огня БМ-13, больше известные как “катюша”.

16 августа противник обошел Кингисепп с восточного направления и захватил город. Командующий войсками Северного фронта Маркиан Михайлович Попов приказывает командующему 8-й армией генерал-лейтенанту П. С. Пшенникову выбить немцев из Кингисеппа. 8-я армия в это время отходила с боями из Эстонии.

20 августа 11-я стрелковая дивизия 8-й армии штурмует город с запада и освобождает его, но всего лишь на один день. Ровно через сутки под напором наступающих немецких войск город вновь оставлен. Пшенников привлекает

к боям за город 191-ю стрелковую дивизию, занимавшую до этого оборону между дотами укрепрайона. Это позволяет немцам блокировать доты и дзоты.

Вечером 22 августа командир 152-го батальона А. М. Королёв доносит в штаб укрепрайона, что гарнизоны трёх дотов ведут бой в полном окружении. Сообщает также, что видит, как вражеские сапёры закладывают взрывчатку под доты № 7 и 9. Это было его последнее донесение. Из этой мясорубки удаётся прорваться из окружения только одному человеку – 23 августа санитары подбирают тяжело раненого и обожжённого сержанта Ивана.

Дот № 17, где размещался командный пункт 263-го батальона, отбивает пятнадцать атак и выдерживает сотни прямых попаданий артиллерии противника. Он продолжает сопротивляться даже после того, как все наши полевые войска переправляются через реку Лугу и взрывают за собой мост. Гарнизон дота обречён.

Контрудар в районе Старой Руссы развития не получил. Главная сила советских войск – 34-я армия под командованием генерала Качанова – была к середине августа рассечена надвое и частично отброшена к реке Локоть, частично попала в плен или была уничтожена. Фон Лееб, командующий группой армий “Север”, оценивал обстановку как чрезвычайно серьёзную. Он был вынужден перебраться с новгородского направления дивизию СС “Мёртвая голова”, затем 3-ю моторизованную дивизию, управление 56-го моторизованного корпуса. Более того, Гитлер приказал приостановить наступление на Москву и дополнительно передал фон Леебу из группы армий “Центр” части 3-го танкового корпуса. Командующий немецким танковым корпусом Густав Гот впоследствии писал в своих мемуарах: *“Таким образом, в то время как ОКХ ещё предавалось надежде в конце августа нанести решающий удар по Москве, Гитлер снова под влиянием одной неудачи группы армий “Север”, имевшей местный характер, 15 августа принял решение: “Группе армий „Центр“ дальнейшее наступление на Москву прекратить. Из состава 3-й танковой группы немедленно передать группе армий „Север“ один танковый корпус (одну танковую и две моторизованные дивизии), так как наступление там грозит захлебнуться”. Что же послужило причиной так неблагоприятно оценивать обстановку в группе армий “Север”?*

Один из двух корпусов 16-й армии, продвигавшихся южнее озера Ильмень на восток, а именно 10-й армейский корпус, был атакован значительно превосходящими силами русских (восемью дивизиями 34-й армии) и оттеснён на север к озеру. В ответ командование группы армий “Север”, стремясь облегчить весьма тяжёлое положение 10-го армейского корпуса, решило выделить для нанесения контрудара одну дивизию СС и одну моторизованную дивизию, которые до этого принимали участие в боевых действиях под Лугой и в районе озера Ильмень... Сейчас же, группа армий “Центр” была ослаблена на половину танковой группы, и это в момент, когда оставалось сделать последний шаг к достижению цели операции, то есть к овладению Москвой”.

Возможно, именно этого танкового корпуса немцам не хватило в начале декабря под Москвой. Итоги контрудара под Старой Руссой тяжёлые, трудные. Советские войска потерпели поражение, окончательно определившее окружение Лужской группировки войск. 23 августа 1941 года был снят со своей должности командующий Северо-Западным фронтом генерал-майор П. П. Собенников и приговорён к 5 годам заключения (впоследствии заменённого понижением в должности). 11 сентября 1941 года в деревне Заборовье по решению уполномоченных ГКО СССР армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса и генерала армии К. А. Мерецкова “во внесудебном порядке за дезорганизацию в управлении артиллерией армии и личную трусость” был расстрелян перед строем личного состава штаба 34-й армии начальник артиллерии 34-й армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров. На следующий день Мехлис написал приказ № 057: *“За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боёв армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании Приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии”.* Приказ был составлен уже после расстрела. Вот как описывает расстрел Ю. В. Рубцов в книге “Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса” со ссылкой на очевидца этого события, полковника в отставке В. П. Савельева: *“По приказу Мехлиса работники*

штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошёл вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: “Где пушки?” Гончаров неопределённо махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. “Где, я вас спрашиваю?” – вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: “В соответствии с приказом наркома обороны СССР № 270...” Для исполнения “приговора” он вызвал правофлангового – рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат...”

Такая же судьба постигла командующего 34-й армией генерала К. М. Качанова. Военный трибунал Северо-Западного фронта признал его виновным в неисполнении полученного им 8 сентября 1941 года приказа Военного совета фронта о нанесении соединениями армии удара во фланг и тыл наступающему противнику, уничтожении его и выходе на новый рубеж. В приговоре отмечалось, что “отход произведён в беспорядке, управление войсками было утрачено, в результате чего врагу был открыт фронт и дана возможность занять часть нашей территории”. Трибуналом были отмечены вполне разумные доводы, приведённые К. М. Качановым в свою защиту, и 27 сентября был вынесен смертный приговор. Качанова расстреляли 29 сентября 1941 года. Уже после войны, после смерти Сталина, в 1956 году группа офицеров оперативного управления Генштаба по заявлению вдовы генерала Качанова и прокурорскому запросу провела анализ обстановки и выявила, что обвинение Качанова в неисполнении приказа и оставлении поля боя было необоснованным. Посмертно реабилитирован. Гончаров признан жертвой репрессий и реабилитирован в 2002 году.

Под Старой Руссой немцы впервые захватили образец РСЗО “катюша”.

Тем не менее, контрудар 34-й армии сыграл важнейшую роль в начальной фазе сражения за Ленинград. Этим ударом были оттянуты от Лужского рубежа подвижные соединения танковых групп вермахта. Были лишены эшелона развития успеха в лице моторизованных дивизий как группа “Луга”, так и группа “Шимск”, нацеленные на Лужский рубеж. В условиях крайне жёстких сроков, в рамках которых было возможно использование подвижных соединений в группе армий “Север” до их рокировки в сентябре 1941 года на московское направление, даже минимальные задержки давали переход из количества в качество. С этой точки зрения роль контрудара под Старой Руссой в сражении за Ленинград трудно переоценить.

27 августа 1941 года в Ленинград прибывает последний поезд. По железной дороге подвоз продовольствия и всего остального, необходимого городу, прекращается.

В этот же день начинается отход Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, названный в историографии “Таллинским переходом”. История этого перехода является одной из трагичных, но и героических страниц обороны Ленинграда. Итоги его показывают как недалёковидность командующего Северным фронтом Клим Ворошилова, так и героизм балтийских моряков, командиров судов, самоотверженность экипажей минных тральщиков.

5 августа была перерезана железная дорога Таллин–Ленинград, а 7 августа немецкие войска вышли к заливу в районе Кунда, отрезав советские войска в районе Таллина от основных сил советского Северного фронта. С 5 августа началась Таллинская оборона. Ещё в июле командованию указывали необходимость отвода Балтийского флота из Таллина, но фактически приказ на отход был получен, когда немцы вплотную подошли к городу, и вражеская артиллерия могла бить по кораблям прямой наводкой.

Последние дни обороны Таллина документирует “Первая сводка о переходе КБФ из Таллинна в Кронштадт”, являющаяся агентурным донесением, направленным в 3-й отдел КБФ 31 августа 1941 года.

В этом уникальном документе, уже переведённом в открытые архивы, говорится, что 22 августа 1941 года был перехвачен подписанный 17 августа приказ Гитлера, требовавший уничтожения всех кораблей советского Балтийского флота на минно-артиллерийской позиции в районе средней части Финского залива. Эта задача возлагалась на береговые батареи, торпедные катера, подводные лодки и авиацию.

По сути дела, агентурная разведка НКВД предупредила командование флота о более чем серьёзной угрозе. Но несмотря на это, принять меры к ликвидации угрозы флот не смог, не успевал.

Из вахтенного журнала крейсера “Киров”, флагмана КБФ:

“27.08.1941, рейд порта Таллин

В 9 часов 50 минут сброшено 24 фугасные бомбы весом от 100 до 500 килограммов. Уклонение маневрированием.

В 16 часов 30 минут сброшено 42 фугасные бомбы весом от 100 до 500 килограммов.

В 17 часов 56 минут сброшено 38 фугасных бомб весом до 250 килограммов.

В 18 часов 12 минут сброшено 22 фугасные бомбы весом от 100 до 250 килограммов. . . ”

То есть уже погрузка на корабли проходила под плотным вражеским огнём. И такие записи встречаются в вахтенном журнале крейсера 14 раз за день!

Из докладного письма старшего лейтенанта Котова Особому отделу КБФ: “Твёрдой организующей руки в обороне главной базы не было. Мощные огневые средства, морская и зенитная артиллерия не были полностью использованы, а зачастую последние бездействовали вследствие отсутствия связи и взаимодействия между различными родами войск и особенно командованием армейских и артиллерийских частей. <...> Отсутствие связи и взаимодействия подчас приводило к обстрелу своих войск. Разведка работала скверно”.

При погрузке не удалось избежать хаоса, забывали матчасть и даже отдельные соединения бойцов, защищавших подступы к Таллину. В 17:00 28 августа флот выходит в акваторию места сбора конвоев и направляется в сторону Кронштадта. На момент начала перехода из Таллина вышли 225 кораблей и судов (в том числе 151 военный корабль, 54 вспомогательных судна, 20 транспортов).

Сколько всего человек было эвакуировано? На этот вопрос точного ответа так и не получено, и, увы, никакой архив не может сегодня дать этот ответ. Подсчитать можно только военных и с некоторым приближением – членов их семей. По подсчётам Р. А. Зубкова, на кораблях находилось 28 573 военных, из которых 8 670 человек были бойцами и командирами Десятого стрелкового корпуса, а 19 903 – моряками: экипажами боевых кораблей и бойцами береговой обороны, а также служащими штабов и флотских учреждений.

Можно ли было избежать хаоса? Наверное, да, если бы приказ на переход был получен хотя бы на два дня раньше.

Беженцы из числа гражданского населения не подсчитывались при погрузке на корабли, поименные списки составлять было некому и некогда.

Акватория Финского залива была уже заминирована. Флот шёл прямо на мины, имея минимальное количество тральщиков.

Практически сразу после выхода из Таллина начались подрывы морских мин в тралах. По кораблям и транспортам несколько раз открывала огонь береговая артиллерия противника (безрезультатно). До наступления темноты авиация противника произвела несколько атак и потопила четыре судна, несколько были повреждены. В районе острова Мохни в 18 часов 30 минут атакованный в первом конвое ледокол “Кришьянис Вальдемарс” при уклонении от бомб вышел из протраленной полосы и в результате подрыва на mine затонул. У мыса Юминда атакован и повреждён штабной корабль флота “Вирония”. Около 22 часов он подрвался на mine и затонул вместе со спасательным судном “Сатурн”. Очевидец гибели транспорта – заместитель начальника Особого отдела 10-го стрелкового корпуса лейтенант госбезопасности Доронин – писал: “Во время потопления на “Виронии” были слышны многочисленные револьверные выстрелы”. Судя по всему, люди кончали жизнь самоубийством, не желая живыми уходить в морскую пучину.

Повреждён авиацией, подрвался на mine и затонул транспорт “Алев”. Из 1280 человек, в том числе 800 раненых, спасено 6 человек.

С наступлением темноты отряд главных сил входит в плотное минное заграждение, выставленное немцами и финнами. Погибают на минах два тральщика. Три из пяти тральщиков отряда теряют тралы в результате затравливания минных защитников.

Весь день 28 августа стояла пасмурная погода, что препятствовало действиям вражеской авиации. Если бы конвой мог двигаться со скоростью хотя бы 15 узлов, то он смог бы за это время, как минимум, дойти до Гогланда. Но скорость конвоя определяется по самому тихоходному судну. Это были баржи, шедшие не больше 8 узлов.

К моменту постановки на якоря в ночь с 28 на 29 августа флот потерял 26 кораблей и судов потопленными (5 эсминцев, 3 транспорта, 1 ледокол, 2 буксира, 2 тральщика, 2 подводные лодки, 1 канонерская лодка, 2 сторожевых корабля, госпитальное судно, спасательное судно, штабной корабль, 3 катера, шаланда), 5 – повреждёнными (3 эсминца, лидер, транспорт), 2 – захваченными врагом, пропала без вести 1 наливная баржа.

28 августа в Ленинграде служащая фабрики “Скорород” Шахова отдаёт в фонд обороны кулон с бриллиантами. Ленинградец Домбровский отдаёт золотую брошь с тридцатью пятью бриллиантами. Сейчас уже сложно установить, но, скорее всего, это фамильные драгоценности дворян “из бывших”.

29 августа над морем солнечная погода, и начинается самое страшное: массированный авиационный налёт на корабли Балтийского флота. До немецких аэродромов всего сто километров, поэтому налёт не прекращается ни на минуту. Отбывшие самолёты возвращаются на базу, получают комплект бомб и вновь вылетают к Финскому заливу. Противопоставить посменному налёту советским конвоям было почти нечего. Зениток у транспортов мало. А уклонение маневром было неосуществимо из-за тихоходности большинства судов. Вода, пропитанная соляжкой и машинным маслом, горела вокруг кораблей. Эсминцы, баржи, катера, тральщики... Корабли взрывались и мгновенно шли на дно. В конце августа температура воды в Финском заливе едва превышает 14 градусов. Тёплые, живые люди тонули, и нигде не было спасения.

Изматывает сердце и нервы ужас неминуемой атаки – не с воздуха, так из-под воды! Психологическое напряжение людей, лишённых возможности нанести врагу ответный удар, иначе, чем запредельным, не назовёшь. Боеспособными – и то условно из-за перегруженности эвакуантами – можно было считать только боевые корабли. Транспортный состав был лишь добычей смерти.

Стоит ли удивляться, что в этих условиях случилось даже что-то вроде мятежа. На спасательном судне “Нептун” некоторые красноармейцы из числа эвакуантов заперли капитана в каюте, выбрали некий “комитет представителей” и требовали немедленно высадить их на оккупированный врагом берег.

– Братцы-товарищи, но там же немцы!!! – колотил капитан кулаками в железную переборку.

– Ну и что? Мы – с оружием. В худшем случае, станем партизанами... А то тут с тобой ещё потонешь ко всем чертям ни за грош, не сделав по фашистским мордам ни одного выстрела!..

К счастью, полковой комиссар, накануне подобранный из воды, освободил арестованного капитана, попутно объяснив ретивым морякам, что бывает за самовольное изменение курса корабля.

Корабли главных сил и отряда прикрытия стали прибывать в Кронштадт с 17–20 часов 29 августа. До конца дня 29 августа в Кронштадт прибыли 24 вымпела, на остров Гогланд – 16. На следующий день и позже в Кронштадт продолжали прибывать отрядами и поодиночке уцелевшие корабли и суда из Таллина – числом 107 вымпелов.

Отсутствие достаточной поддержки со стороны советской береговой авиации, недостаток тральщиков, малое количество зенитных корабельных орудий и, самое главное, поздно отданный приказ на переход предопределили катастрофу. Из 225 кораблей до Кронштадта дошли 163. Из них 132 военных корабля, 29 вспомогательных судов, 2 транспорта, а также неустановленное число малотоннажных гражданских судов и плавсредств, не подчинённых Военному совету флота. Во время перехода погибли 62 корабля и судна (19 боевых кораблей и катеров, 25 вспомогательных судов, 18 транспортов).

Точный до имени-фамилии список жертв Таллинского перехода, видимо, никогда не будет составлен, поскольку никакого учёта эвакуируемых, тем более поименных списков никто не вёл. На мемориальной доске в память погибших участников Таллинского перехода указано 10 903 погибших... Но чёткого подтверждения столь точной цифре в архивах нет.

И тем не менее, Балтийский флот был сохранён как боеспособная единица. Артиллерия кораблей окажет неоценимую помощь обороняющемуся городу во время блокады.

1 сентября школы Ленинграда не открыли свои двери для детей. Город усиленно готовился к обороне. Только на строительстве красносельского

сектора работало 75 тысяч человек. Идут работы в зданиях города, в спешном порядке делают амбразуры, улицы перекрывают колючей проволокой, надолбами, насыпями с песком. А враг подошёл к станции Мга, с ходу овладел ею и в один день прервал железнодорожную связь с Большой землёй.

2 сентября в Ленинграде произведено первое снижение норм выдачи хлеба населению. Рабочие и инженерно-технические работники будут получать теперь по 600 граммов хлеба вместо 800, установленных 18 июля в связи с введением в стране продовольственных карточек. На 200 граммов снижена норма выдачи хлеба служащим: вместо 600 граммов – 400. Иждивенцам и детям до 12 лет, получавшим по 400 граммов хлеба в день, теперь будет выдаваться по 300.

События сентябрьских дней 1941 года, нашедшие отражение в сводках, директивах, дневниках и воспоминаниях жителей, солдат, советских и немецких офицеров, выстраиваются через призму цифр. Сформировано столько-то добровольческих батальонов, уничтожено столько-то танков и самолётов противника, взято в плен, пройдено, учтено, выписано, выверено, расстреляно, потрачено... А за каждой цифрой стоит живой человек. А за каждым донесением – страх, боль, надежда. Город находится в огненном кольце, которое вот-вот замкнётся окончательно. Город готовится к уличным боям. Создан штаб внутренней обороны города. Командный пункт фронта окончательно перемещается в Смольный.

3 сентября немцы выходят на расстояние дальноточной артиллерии. В городе начинают взрываться снаряды. Гибнут дети. Дмитрий Шостакович дописывает первую часть 7-й «Ленинградской» симфонии.

Чтобы растянуть ничтожные запасы муки, решением Ленгорисполкома от 4 сентября предложено примешивать к ней 12 процентов солодовой, соевой и овсяной муки, 2,5 процента размолотых жмыхов и 1,5 процента отрубей.

В сентябре стало понятно, что город может быть захвачен противником. Что в Летнем саду могут идти бои, что Московский проспект может превратиться в кровотокащую артерию, сквозь которую немецкие танки станут прорываться в город. Бои идут уже в пригороде, линия Пушкин–Ям-Ижора–Колпино превращается в слоёный пирог. Например, на одном участке немцы прорываются силами батальона и уходят вперёд, впереди наши войска, потом немцы, потом опять наши. В ряде подразделений отсутствует не то что взаимодействие – нет элементарной связи. Поэтому, к примеру, 402-й полк 168-й стрелковой дивизии думает, что у него фланг прикрыт, а там уже полдня хозяйничают немцы, и полк воюет в полуокружении. И такая картина повсеместно, на всём участке фронта.

В городе первые взрывы. Первые жертвы.

6 сентября вражеские бомбардировщики впервые преодолевают полосу советской противовоздушной обороны и бомбят Ленинград. Обстреливает город и немецкая артиллерия, подошедшая на расстояние прямого выстрела. Вот документальное свидетельство того, что натворил только один вражеский снаряд в этот день. Документ этот, написанный медицинскими работниками 4-го батальона МПВО, приводился потом на Нюрнбергском процессе: «6 сентября 1941 года снаряд разорвался на улице. На панели с распостёртыми руками лежит убитая женщина. Рядом валяется корзина с продуктами. Деревянный забор скошен и обгагрён кровью. На нём налипли куски размозжённого человеческого тела, петли кишок, окровавленные осколки костей, куски мозга. На панели – разорванный пополам труп беременной женщины: виден труп почти доношенного младенца. Во дворе 5 трупиков девочек в возрасте 5–7 лет. Они лежат полукругом, в том же порядке, как стояли тут до момента смерти, играя в мяч».

На северно-восточном направлении корпуса 16-й немецкой армии в двухдневных изнурительных боях выбивают из-под Мги дивизию НКВД под командованием полковника С. И. Донскова. Появляется угроза форсирования немцами Невы, но немцы продолжают двигаться вдоль левого берега. Основная цель – захват Шлиссельбурга. 8 сентября Шлиссельбург пал.

Именно эту дату принято считать началом полной блокады Ленинграда. 8 сентября 1941 года. В городе находится 2 миллиона 544 тысячи жителей. Из них 630 тысяч не доживут до освобождения города. Но 8 сентября они этого ещё не знают. Эта цифра официально была озвучена на Нюрнбергском процессе. Некоторые исследователи говорят о 1,5 миллиона жертв. Только 3% погибнут от бомбежек, все остальные умрут от голода.

8 сентября воистину является чёрным днём не только на фактическом театре военных действий, когда захлопывается узкое бутылочное горлышко в районе Шлиссельбурга от правого берега реки к левому. 8 сентября – предвестник страшного голода на уровне понятийном, смысловом. В этот день массивной бомбардировке подвергаются знаменитые Бадаевские склады. Огонь полыхает здесь около пяти часов. Гибнет в огне 3 тысячи тонн муки и 2500 тонн сахара. Большая часть расплавленного сахара будет затем переработана на патоку, использована для приготовления кондитерских изделий. По оценкам историков, запасов продовольствия на складах хватило бы на 2–3 недели, и определяющей роли запасы продовольствия на Бадаевских складах не играли. Но даже три недели – это тысячи жизней в ледяном январе 1942 года. Тысячи оставшихся в живых. 5 часов горели склады, горячие сахарные ручейки стекали в канавы, люди обступили место пожара и наблюдали, как горят их жизни и текут по улицам их души сладкими ручейками...

Относительно планов Гитлера о судьбе города... Нет никаких сомнений, что фюрер собирался стереть город с лица земли, но директив за его личной подписью на этот счёт нет. Знаменитая “директива Гитлера № 1601 от 22 сентября 1941 г.” на самом деле таковой не является. Это реальный документ, он был приведён в качестве доказательства на Нюрнбергском процессе, и нет оснований сомневаться в его подлинности. Но называется он иначе: Директива начальника штаба ВМФ L-a 1601 от 22 сентября 1941 г. “Будущее города Петербурга” (Weisung Nr. Ia 1601/41 vom 22. September 1941 “Die Zukunft der Stadt Petersburg”).

Вот текст этой директивы полностью: “Будущее города Петербурга

1. Чтобы иметь ясность о мероприятиях военно-морского флота в случае захвата или сдачи Петербурга, начальником штаба военно-морских сил был поднят вопрос перед Верховным главнокомандованием вооружённых сил о дальнейших военных мерах против этого города.

Настоящим доводятся до сведения результаты.

2. Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населённого пункта не представляет никакого интереса. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в существовании этого города непосредственно у её новых границ.

3. Прежние требования военно-морского флота о сохранении судостроительных, портовых и прочих сооружений, важных для военно-морского флота, известны Верховному главнокомандованию вооружённых сил, однако удовлетворение их не представляется возможным ввиду общей линии, принятой в отношении Петербурга.

4. Предполагается окружить город тесным кольцом и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сровнять его с землёй.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения.

5. Главное командование военно-морских сил в ближайшее время разработает и издаст директиву о связанных с предстоящим уничтожением Петербурга изменениях в уже проводившихся или подготовленных организационных мероприятиях и мероприятиях по личному составу.

Если командование группы армий имеет по этому поводу какие-либо предложения, их следует как можно скорее направить в штаб военно-морских сил”.

Документ подписан начальником штаба руководства морской войной адмиралом Куртом Фрике.

В ходе Нюрнбергского процесса обвиняемый – адмирал Редер – был допрошен относительно этого документа.

Вот показания адмирала Редера: “Я просил Гитлера, когда я услышал, что он намерен в ходе войны обстреливать Ленинград, что он должен сохранить порт и доки, потому что они будут полезны для нас, так как мы хотим переместить наши базы дальше на восток по причине британских воздушных атак в Прибалтике. Незадолго до даты, о которой Вы упомянули, адмирал

Фрике был в штаб-квартире фюрера – я не знаю по какой причине – и там говорил с фюрером в моё отсутствие. Фюрер объяснил ему, что планируют обстреливать Ленинград, особенно с самолётов, и он использовал эти весьма преувеличенные слова, которые затем были написаны в документе. ВМФ не имел абсолютно ничего общего с обстрелом Ленинграда. Мы не получали приказов об этом. Мы были заинтересованы только в одной вещи, что следует сохранить верфи и портовые сооружения.

Фюрер проинформировал Фрике, что, к сожалению, он был не в состоянии сделать это, потому что попадания, особенно если с самолёта, не могут быть направлены так точно. Всё, что мы могли бы сделать, – это сообщить генерал-адмиралу Карльсу, что Ленинград в случае захвата не может использоваться в качестве базы, и генерал-адмиралу Карльсу придётся остановить приготовления, которые он уже начал: выделение немецких рабочих и, вероятно, техника, которая была предназначена для использования в Ленинграде позже. Карльс должен был знать об этом, и так называемый Департамент интендантства ВМФ должен был знать об этом, и именно поэтому адмирал Фрике написал эту бумагу. К сожалению, он включил в этот документ выражения, используемые Гитлером, которые никак не связаны с делом, поскольку мы были обеспокоены, потому что ничего не делается с обстрелом. Тем самым он не берёт на себя в любом случае ответственность в том смысле, что он одобрил его. Он считал только, что он должен был включить формулировку Гитлера в документ. Военно-морской флот не имел ничего общего с этим вопросом. Не было бы необходимо издавать его, и, к сожалению, и очень неуклюже, выражение, используемое Гитлером, было введено в этот документ” (НТ. Том 14. С. 221–224).

Редеру можно не доверять, но его слова подтверждаются выписками из журнала боевых действий группы армий “Север”, в которых первые данные о решении блокировать город встречаются 28 августа 1941 года. Далее день ото дня данные сбивчиво и неуверенно подтверждаются с небольшими вариациями и деталями. Вариации, понятное дело, вносят защитники Ленинграда. Поэтому достоверно сказать, когда именно Гитлер принял решение заморить Ленинград голодом, неизвестно. Риску предположить, что решение об отмене штурма Ленинграда было принято в последний момент, Гитлер и сам не знал, что ему делать. Основной целью была Москва, и войска ему нужны были на центральном направлении. Блокировав Ленинград, можно было перебросить часть сил (особенно танковые корпуса) на Москву. С другой стороны, имеющихся у фон Лееба армий было явно недостаточно для штурма. Каждый сентябрьский день стоил немцам огромных усилий. Продвижение давалось всё труднее. Защитники города дрались насмерть. В конце концов, 25 сентября фон Лееб напишет в ОКХ: “Группа армий Север с оставшимися у неё силами более не в состоянии в полной мере продолжать наступление на Ленинград. Тем самым отпадает и систематический артиллерийский обстрел города. Чтобы вынудить город к сдаче, остаются только бомбардировка и измор”.

Поэтому разговоры о том, что город был открыт для врага и Гитлер-де сам не захотел его брать (а именно так представляет ситуацию писатель-фронтвик Даниил Гранин в своём романе “Мой лейтенант”), полностью не соответствует действительности. Советские войска остановили врага на подступах к городу. Ценой огромных потерь и проявлений массового героизма. Остановили. Сами. Без всяких директив Гитлера. Через несколько месяцев фон Лееб будет отстранён от должности командующего группой армий “Север”.

8 сентября начинается блокада. Впереди смена командующего Ленинградским фронтом. 14 сентября в критические для города дни командование примет Г. К. Жуков. Судьба города будет решаться в этот короткий промежуток: с 14-го по 21 сентября. В городе заминируют мосты, здания, будут разработаны план-схемы ведения боёв в городской черте. О сдаче не помышляет никто. Город готов биться за каждый дом, за каждый канал, за каждый кирпич и камень. Но это всё впереди.

Как показывают сводки боевых действий в районе Пулковских высот, в районе Стрельны и Петергофа, со стороны Колпино, на Дудергофских высотах – враг всеми силами рвался в город. Если бы ему это удалось – не было бы никакой блокады, все решения и фантазии Гитлера были только на словах в общении со своими генералами. Пора назвать вещи своими именами: фон Лееб просто не смог сломить сопротивление ленинградцев.

Впереди героическая оборона крепости Орешек и трагическая гибель Петергофского десанта, попытки прорыва блокады в 1942 году и Дорога Жизни, спасшая сотни тысяч ленинградцев, окружение 2-й ударной армии Власова и подвиг советских бойцов в страшной мясорубке Невского пятачка. И, конечно же, голод, страшный голод первой блокадной зимы.

Иногда ночью мне снится сон. Снятся незнакомые мне люди, которых я никогда не видел, не знал, но чьё присутствие, чья твёрдая поступь будоражит слух, вспарывает пласты глубинной памяти. Из глубины столетий на меня смотрят мои предки. Ни о чём не спрашивают, не говорят – просто смотрят. Отдавшие жизнь за Родину, ушедшие с небесным воинством защищать Россию на небесах, присматривать за мной, далёким и бестолковым потомком. Кости их давно сгнили в земле, легенды и были не сохранили их рабоче-крестьянских имён. Грубые, словно выточенные из камня, мягкие, как глина, мощные, как платяные шкафы, и худые, жилистые – не люди, а промасленные канаты... Добрые, злые, гулящие, разухабистые, крикливые, спокойные... Разные. Настоящие. Погибшие в бесчисленных боях за Отечество. И если я чувствую их боль, слышу их голоса из своего сегодняшнего настоящего, то это значит, что через двести лет кто-то так же будет чувствовать меня. Кровь моя не сгинет бесследно. Это и есть чувство родной земли, каким его может формулировать для себя русский человек. Кровь и плоть наших предков сделали эту землю живой, жирной и родящей. И всё, что мы можем сделать для своих потомков, – сохранить её в том виде, в котором получили от своих дедов и прадедов, а если понадобится – удобрить её словом, делом и собственной плотью. Ибо плоть тленна, а душа человеческая вечна. Мёртвые сраму не имут.

Чаще других мне снится вихрастый семнадцатилетний парень, задира и хулиган ленинградских окраин. Его зовут Алимпий Афанасьев, старший брат моей бабушки.

В ноябре 1941 года он будет ползать по ночам на совхозные поля в районе Пулковских высот. Поля эти расположены на нейтральной территории, заминированы, обстреливаются немцами и нашими. Пулю можно поймать с любой стороны. На этих полях когда-то росла капуста. В ноябре 1941 года капуста сгнила под ненастной осенней хлябью, но остались кочерыжки. Их-то и собирал этот парень, набивая тугой холщовый мешок. Моя прабабушка сварит щи из этих кочерыжек и победит смерть ещё на несколько дней.

Тогда же, в ноябре этот парень будет собирать землю на месте сгоревших Бадаевских складов. Вся семья будет эту землю перебирать, отделяя уголь от крупинки сахара. Смерть где-то рядом, но пока этот чубатый белокурый парень улыбается ей нахальным голодным оскалом – ей нечего делать в моей семье.

Ещё помогла профессия моего прадеда. Он был столяр-краснодеревщик. В наших комнатах в коммунальной квартире хранились внушительные запасы столярного клея. Раньше клей делали на муке, поэтому его можно было варить и есть. Вместе с гнилыми кочерыжками. Так мои предки выжили в первую блокадную зиму. Весной бабушку эвакуируют на Большую землю, но Алимпий к этому моменту будет убит. В январе 1942 года его призовут в армию. Он почти сразу же погибнет на Невском пятачке. Погибнет для того, чтобы жили его сестры и мать, его страна, чтобы много десятилетий спустя мог появиться на свет я, который напишет эту книгу.

г. Санкт-Петербург